

Нет автора

**Основы и задачи советской
уголовной политики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А22

А22 **автора Н.**
Основы и задачи советской уголовной политики / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 168 с.

ISBN 978-5-519-87117-4

ISBN 978-5-519-87117-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тот синтез, который является особо необходимым при разрешении некоторых спорных вопросов, возникших при конструировании науки советского уголовного права. В этом отношении мы, устанавливая отличительные черты особой правовой формы, в которую облекается уголовное право в эпоху диктатуры пролетариата, в то же время не можем отрицать наличия остатков старой правовой формы, дававшей даже повод к утверждению, что, создавая наши кодексы, мы буквально списывали их с кодексов, действующих в буржуазных странах.

Однако не отрицая наличия в ряде случаев большего или меньшего влияния буржуазной правовой формы на наше уголовное право, мы считаем все же, что дальнейшее вполне возможное и достижимое изживание этого влияния составляет задачу правильной постановки реформы уголовного права в СССР.

Исходя из положения, что марксизм это не догма, а руководство к действию, надо надеяться, что коллективная работа секции окажет свое влияние на предстоящую реформу уголовного права и процесса.

Е. Г. Ширвиндт.

**ОСНОВЫ И ЗАДАЧИ
СОВЕТСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ**

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ.

А. Я. Эстрин.

Уголовное право, превратившись в орудие революции, испытывает в стране пролетарской диктатуры и процесс революционного преобразования своих методов. Этот процесс, однако, по причинам объективного и субъективного характера, является процессом длительным и сложным, далеко не закончившимся еще и в настоящее время, к началу второго десятилетия существования советской власти.

Пролетарская революция не сразу даже приступила к первой попытке сформулировать принципы новой, своей уголовной политики. Декрет о суде № 1 ограничивался указанием на „революционную совесть“ и „революционное правосознание“ (факультативно, при „непротиворечии“ таковым,— и на законы свергнутых правительств). Декрет о суде № 2 добавлял к этому еще упоминание о „справедливости“ („не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может... Та же справедливость должна применяться в суде уголовном“). Что применяемая пролетарским государством репрессия служит целям классовой борьбы, это подчеркивалось в первые месяцы революции лишь в отношении трибунальской репрессии („Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Революционные трибуналы“ — ст. 8 Декрета о суде № 1). Если в законодательстве 1917—1918 гг. мы и встречаем какие-либо общие директивы о характере подлежащей применению репрессии, то опять-таки эти директивы адресуются главным образом революционным трибуналам. Уже инструкция последним от 19/XII 1917 г. (подписанная левым эсером Штейнбергом) перечисляет те конкретные виды наказания, которые вправе применять трибунал; в числе их отсутствует расстрел, но прочие известные позднейшей советской практике меры репрессии

перечислены достаточно исчерпывающе: 1) денежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) объявление общественного порицания, 5) объявление виновного врагом народа, 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) присуждение к обязательным общественным работам (ст. 2 Инструкции—в ст. 1 перечислены отдельные „составы преступления“, подсудные революционным трибуналам). Не Штейнберг, а уже П. И. Стучка в постановлении НКЮ от 16/VI 1918 г. провозгласил, что „Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях „не ниже“ такого-то наказания“. Циркуляр Касс. отдела ВЦИК от 6/X 1918 г., содержащий обстоятельную разработку подсудных Революционным трибуналам „составов“,—„зародыш“ Особенной части УК, как отмечает М. М. Исаев,—предоставляет Революционному трибуналу право смягчения наказания (при условии мотивировки этого смягчения) и в случаях фиксации в законе определенного минимума репрессии.

Еще более скудны директивы того же рода, относящиеся к деятельности народных судов. Декрет о суде № 2, не перечисляя могущих быть применяемыми мер репрессий, оговаривает лишь возможность условного или досрочного освобождения, а также восстановления в правах; этот же декрет исключает „суды и тюремное заключение для несовершеннолетних обоого пола до 17 лет“ (ст. 17 декретирует создание „Комиссий о несовершеннолетних“; в этой статье впервые употреблена формулировка „общественно-опасные деяния“ для обозначения предпосылок применения репрессии). Декрет о суде № 3 (от 20/VII 1918 г.) предписывает „лишение свободы на срок до 3 месяцев всюду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания под стражей“. Вместе с тем он фиксирует предельный срок лишения свободы по приговорам нарсуда в 5 лет. Право смягчения наказания признано было за народным судом еще ст. 29 Декрета о суде № 2: „Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, причем они имеют право уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания“; в „инструкции об организации и действии местных народных судов“ от 23/VII 1918 г. это право было ограничено оговоркой „за исключением тех случаев, когда в декрете установлен минимум наказания“, и лишь в Положении о народном суде от 30/XI 1918 г. и на эти случаи было распространено право смягчения ими полного освобождения от наказания, при условии надлежащей

мотивировки. В этом Положении о народном суде были прямо воспрещены ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств.

Основные вопросы уголовной политики — вопрос о целях уголовной репрессии, вопрос о критериях и методах определения рода и меры репрессии каждому конкретному осужденному — в это время еще не получают сколько-нибудь отчетливого разрешения в официальных документах, исходящих от советской власти. Точно так же обстоит дело и с вопросом о самой системе мер уголовной репрессии и, в частности, с вопросом о том, как должны быть поставлены места лишения свободы и что должно в советских условиях представлять собою лишение свободы, как мера репрессии. Лишь временная инструкция „о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового“ от 23/VII 1918 г. (С. Уз. № 53) юридически аннулирует „Устав о содержащихся под стражей“. Эта „временная инструкция“ предусматривает уже организацию, наряду с общими местами заключения (тюрьмами), реформаториев и земледельческих колоний, как учреждений воспитательно-карательных, в особенности для молодых преступников, а также организацию „испытательных заведений для лиц, по отношению к которым имеются основания для ослаблений режима или для досрочного освобождения“ „карательно-лечебных заведений для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами, дегенератов и т. п.“. В ней же зафиксирована и обязательность труда для всех заключенных, и поставлена задача выработки воспитательно-трудовых методов.

Разрушив сразу же систему принуждения, созданную эксплуатирующими классами и направленную против трудящихся, советская власть в 1917—1919 гг. приступила к построению новых, служащих уже интересам трудящихся, органов суда и репрессии и к выработке новой, пролетарской уголовной политики, начав с практики, а не с фиксирования заранее тех или иных принципов. Иначе и быть не могло, ибо вопросы права вообще и уголовного права в частности в дооктябрьской марксистской теории почти вовсе не были разработаны, а в первые годы после Октября пролетариату и его партии приходилось все усилия и все внимание сосредоточивать на вопросах общей политики и прежде всего на организации вооруженной борьбы за дело Советов.

Вполне понятно, что в первые месяцы после Октября борьба с деклассированными элементами, воспользовавшимися крушением старого правопорядка и неналаженностью нового, чтобы „развернуть“ антиобщественную деятельность „уголовного“ характера, должна была в значительной степени (как и борьба с прямыми классовыми врагами, — но с тем отличием, что последняя стояла более в центре внимания руководящих кадров

пролетариата) стать делом самих масс и их низовых организаций. Первое время „самосуды“ по необходимости были распространённым явлением. При этом можно отметить, что акты террора против уголовных элементов на несколько месяцев предшествовали политическому террору ¹⁾, который советская власть начала применять лишь тогда, когда ее вынудила на это международная и внутренняя контрреволюция.

И не случайно в первой попытке теоретически сформулировать цели уголовной репрессии, применяемой советской властью, момент террора был выдвинут на первый план. „Ничтожными нам представляются возможные достижения в направлении исправления преступников“, писал тов. Козловский ²⁾. „Единственной целью налагаемой кары должна быть — в соответствии с нашим взглядом на причины преступности — самозащита или охрана условий общежития от посягательств, и в этих видах власти придется действовать решительными, хирургическими мерами, мерами террора и изоляции“. В дальнейшем на страницах „Пролетарской революции и права“ имеет место своего рода дискуссия по вопросу о целях уголовной репрессии (Саврасов — Я. Берман), причем тов. Саврасов, тогдашний руководитель карательного отдела НКЮ (соответствовавшего теперешнему ГУМЗ), считая, вообще говоря, основной задачей — задачу лечения (исправления) преступников, по отношению к некоторым категориям последних (контрреволюционеры, взяточники, спекулянты), допускал „принцип — пусть старый даже архаический принцип — кары — возмездия“ ³⁾.

Одновременно на местах и в центре шла работа над перестройкой карательного дела. Уже в 1-м номере журнала „Пролетарская революция и право“ в отчете НКЮ тов. Курский пишет: „Новый отдел (Карательный) ставит себе задачей преобразовать всю постановку карательного дела“. Правда, конкретные формы этого преобразования, видимо, рисовались тогда тов. Курскому достаточно неопределенным образом: упоминая про „обязательную трудовую жизнь для всех способных к труду заключенных“ и про открытие 1-й земледельческой колонии и утверждение устава 1-го реформатория, он называет „лозунгом новой системы“ — „не жестокое, но строгое отношение ко всем без исключения заключенным и всякое содействие попавшим сюда случайно лицам найти дорогу к честной жизни“. В отчете НКЮ за 1918 г. мы встречаем указания и на другие моменты реформы: „имеется в виду широкое применение досрочного освобождения, а наряду с этим изоляция опасных для общественного спокойствия и неисправимых преступных эле-

¹⁾ См. М. М. Исаев, Общая часть уголовного права РСФСР, 1925 г., стр. 62—63.

²⁾ Журн. „Пролетарская революция и право“, 1918 г., № 1, стр. 27.

³⁾ См. журнал „Пролетарская революция и право“, № 5—6, стр. 24—25.

ментов и после отбывания ими наказания"; далее там же отмечается и поставленная себе НКЮ задача „выработки новых типов карательных учреждений, так как старые тюрьмы с их специфическим арестантским режимом не могли служить средством социального исправления отбывающих наказание лишения свободы“¹⁾.

И на местах в самом начале деятельности новых советских органов по борьбе с преступлениями им уже было ясно, что старая тюрьма с ее отвратительным, унижающим человеческую личность тюремным режимом непригодна для тех целей, которые должно ставить себе советское государство. В материалах о деятельности местных органов юстиции, приложенных к протоколам 2-го Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции (июль 1918 г.)²⁾, мы, например, читаем: „Все тюрьмы Сибири и Урала заменяются работными домами“, причем последние „организуются для сообщения определенных знаний в области чистой науки, техники, труда и пр., имеющего целью нравственное перевоспитание заключенных в работных домах, чтобы по выходе из них заключенные могли добыть себе средства к существованию честным трудом“ (Положение, принятое съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана 25/V 1918 г.); Тверской губернский комиссариат юстиции ставит задачу „сделать тюрьму местом исправления, а не наказания, как то понималось до сего времени“. В резолюции Съезда народных судей и следкомов Белорусской ССР от 13/II 1919 г. проводится та мысль, что „в основу карательной политики должны быть положены: 1) трудовое начало, которое при настоящих условиях может осуществиться главным образом в широкой организации земледельческих колоний, и 2) широкая культурно-просветительная работа среди заключенных“³⁾.

Так постепенно подготовлялась почва, и накапливался материал для создания пролетарской диктатурой своей уголовно-правовой концепции. В 1919 году и формулируются основные, стержневые элементы этой концепции — в программе ВКП (б), принятой VIII съездом партии в марте 1919 г., и в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, опубликованных НКЮ в декабре 1919 года.

Программа ВКП (б) могла уже зафиксировать, что „в области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меры наказания общественное порицание, заменяя лишение сво-

1) Материалы НКЮ, вып. VI, 1919 г., стр. 40.

2) См. там же, вып. III.

3) „Пролетарская революция и право“ № 1 (11), стр. 123.

боды обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов". Программа и ставила перед партией задачу стремиться к тому, "чтобы система наказания была окончательно заменена системой мер воспитательного характера".

Программа партии исходила в данном разделе только из учета опыта советских судов "нормального типа", т. е. народных судов. Наряду с ними репрессивными органами являлись революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии. Многие товарищи не считали тогда, впрочем, революционный трибунал судом ¹⁾. Чрезвычайная комиссия судом, конечно, не являлась. Программа, однако, по иным соображениям оставляет в стороне репрессию, осуществляемую революционным трибуналом и чрезвычайной комиссией; эти соображения мы находим в гл. IX "Азбуки коммунизма" — известного комментария к программе, вышедшего в том же 1919 г. "Что касается революционных трибуналов, то эта форма пролетарского суда так же не имеет никакого будущего, как победившая белую гвардию Красная армия, как чрезвычайные комиссии, как все органы, созданные пролетариатом в период незаконченной гражданской войны. С победой пролетариата над буржуазной контрреволюцией эти органы отпадут за ненужностью. Наоборот, пролетарский суд в форме выборного народного суда, несомненно, переживет конец гражданской войны и еще долго будет подчищать своими приговорами обломки буржуазного общества в его многообразных проявлениях" ²⁾.

Практически в годы гражданской войны ЧК и РТ, как органы репрессии, имели гораздо больший удельный вес, чем народные суды. Это видно из следующей таблицы, составленной по данным, опубликованным в выпуске VIII Материалов НКЮ ³⁾, а за 1921 г. в отчете НКЮ IX Всероссийскому съезду советов ("Тюремное дело в 1921 г.") (табл. на стр. 7).

С другой стороны нужно учесть и то, что в годы гражданской войны репрессия по приговору — суда или чрезвычайного органа — не занимала того места в системе мероприятий по борьбе с преступностью, какое принадлежит сейчас судебной репрессии в точном смысле этого слова. Приговор о лише-

¹⁾ См. в "Еженедельнике советской юстиции" за 1922 г. № 29—30 мою статью "Единая судебная система".

²⁾ На значение этого места в "Азбуке коммунизма" обратил внимание М. М. Исаев в своей Общей части; мы не считаем необходимым останавливаться здесь на несовершенстве в приведенной цитате формулировки о том, что победившая белую гвардию Красная армия "не имеет никакого будущего" (курсив наш).

³⁾ Данные охватывают не все места заключения РСФСР; так, данные на 1/VII 1920 г. относятся к 182 месгам заключения из 243.